

Но доставка хлеба и других продуктов не была налажена и часто задерживалась вследствие расстройств римского правительственного и военного аппарата.

Обанкротившиеся римские власти не могли уже не только возродить экономическую жизнь прибрежных городов Норика, но даже создать видимость прочности римских порядков в провинции. Они заботились лишь о собственном благополучии и были глухи к страданиям и бедствиям народа. В страхе перед „варварами“ и оказывавшими им поддержку массами эксплуатируемого населения Норика римская гражданская и военная администрация спешила покинуть угрожаемые местности и спасалась бегством во внутренние области провинции или в Италию, оставляя на произвол судьбы местное население.

Большинство регулярных римских войск, стоявших в пограничных городах, было отозвано для защиты Италии, а оборона Норика была фактически передана наемным „варварским“ дружинам, которые еще более отягощали разоренное население постоянными реквизициями и поборами в счет государственной анноны.

При таком положении вещей в городах и местечках прибрежного Норика часто наступал голод, во время которого знатные и богатые жители обнаруживали свою алчность и свое бессердечие по отношению к голодающим беднякам, сами предаваясь всем наслаждениям богатой и сытой жизни¹. Они имели в своих амбарах и складах большие запасы хлеба и, не чувствуя нужды за стенами своих вилл, не видели и не слышали страданий и воплей голодного народа.

Евгиппий рассказывает, что в городе Фавиане многие знатные и богатые римские колонисты во время голода стремились лучше скрыть свои запасы хлеба, чтобы, пользуясь бедствием, дороже продавать его, когда голод и нужда еще более усилятся. В числе таких алчных извергов была одна римская вдова знатного происхождения, по имени Прокула, которая зарыла в своем имении большое количество зерна². На почве голода в городе начались народные волнения.

Не видя спасения и изнемогая от нужды, голодные люди закипали гневом и ненавистью к богачам. Бедняки толпами ходили по городу, насильственно отбирали хлеб у богачей, громили закрытые продовольственные магазины и бежали к повсюду бродившим „варварами“, становясь на путь вооруженной борьбы против своих угнетателей.

„Вот к чему, — пишет Энгельс, — привело римское государство с его мировым господством: свое право на существование оно основывало на поддержании порядка внутри и на защите от варваров извне; но его порядок был хуже злейшего беспорядка, а варваров, от которых оно бралось защищать граждан, последние ожидали как спасителей“³.

Крестьяне покидали свои участки земли, рабы и городской плебс оставляли города и уходили в горы. Здесь, в отрогах Альп они объединялись с отрядами наступавших „варваров“, снабжавших их оружием, и вместе с ними выступали против безмерно угнетавшего их государства. К ним присоединялись и солдаты, несшие гарнизонную службу в городах и состоявшие в большинстве из варварских наемников. Они также были обречены на голод, так как вследствие разрыва коммуникаций с центральным правительством и общего расстройства римского

¹ Eugip. Vita Sever., 1, 2: animi contumaces ac desiderii carnalibus inquinati; 22, 3: aperta scurrilitas.

² Eugip. Vita Sever., 3, 2: quandam viduam nomine Proculam fruges plurimas occultasse, quam productam in medium arguit.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. I, стр. 125.